

Лянь Цзинъю посмотрела на Тан Чжао, затем на Минда и после короткого колебания осторожно спросила:

— Эта твоя маленькая невеста... она тебя забыла?

Минда проснулась, внезапно не узнавая себя, и Тан Чжао, обеспокоенная тем, что та могла повредить голову, поспешила вызвать врача, пока та ещё не очнулась. Однако врач в их укрытии специализировался только на внешних травмах и лёгких недомоганиях и не был компетентен в таких случаях. Осмотрев её, он лишь смутно предположил, что она могла удариться головой, и что это временное состояние, которое пройдёт само собой.

Тан Чжао не успокоилась на таком объяснении и сразу же решила отвезти Минда в город Пинлян, чтобы найти более квалифицированного врача. Однако Лянь Цзинъю остановила её:

— Она только что подверглась нападению за пределами Пинляна, и мы ещё не знаем, что произошло. Разве ты не боишься, что в городе может быть опасно?

Эти слова были разумны, и Тан Чжао отказалась от идеи отвезти Минда к врачу, решив подождать, пока та полностью очнётся.

Проспав ещё несколько часов, Минда наконец пришла в себя, но её взгляд на Тан Чжао всё ещё был полон незнания. Тан Чжао тут же поняла, что она действительно забыла её, но сколько ещё она забыла?

Сердце Тан Чжао сжалось, но внешне она сохраняла спокойствие:

— Как ты себя чувствуешь? Где-то болит?

Минда, бледная, моргнула и честно ответила:

— Болит.

Затем, подумав, добавила:

— Всё тело болит.

Тан Чжао не смогла скрыть своей жалости, но ничего не могла поделать:

— Ты ранена, и боль нельзя унять, нужно время, чтобы зажило... Ты голодна? Хочешь поесть?

Минда не ела почти два дня и, конечно, была голодна, но из-за боли аппетита не было. Она слегка покачала головой и, слегка нахмурившись, спросила:

— Почему я ранена? И где это мы?

Тан Чжао, почувствовав нечто важное, ответила:

— Мы в Пинляне. Ты подверглась нападению за пределами города.

Минда выглядела озадаченной, явно не помня, где находится Пинлян, — что было нормально, ведь это был небольшой город, о котором вряд ли кто-то знал, если только они не оказались на юго-западе.

Подумав в одиночестве, Минда так и не вспомнила, что это за место и что произошло, и спросила:

— Разве я не была... в столице? Как я оказалась здесь? И что такое Пинлян?

Тан Чжао заметила паузу в речи Минда, а также упоминание столицы, что указывало на то, что она не забыла всё. Это немного успокоило её, и она осторожно продолжила:

— Пинлян находится на юго-западе. Ты выехала из столицы, чтобы инспектировать Маочжоу, и по пути в Пинлян подверглась нападению. Императорская гвардия, сопровождавшая тебя, понесла тяжёлые потери, и мы случайно нашли тебя и спасли. Но ты, кажется, ударила головой и забыла всё это.

Минда инстинктивно хотела потрогать голову, но на руке была рана, и от движения боль чуть не выбила слёзы из её глаз.

Тан Чжао, увидев это, поспешила остановить её:

— У тебя рана на руке, не двигайся.

Минда, уже понявшая это, жалобно спросила:

— У меня всё тело болит. Значит, у меня везде раны?

Затем, не дожидаясь ответа, добавила:

— Значит, у меня везде будут шрамы?!

Тан Чжао немного опешила, не ожидая, что Минда будет беспокоиться о шрамах, а не о самих ранах, и поспешила успокоить её:

— Не переживай, твои раны неглубокие, и когда вернёшься во дворец, мы используем секретные средства для удаления шрамов.

Минда слегка прищурилась, с подозрением глядя на Тан Чжао:

— Откуда ты знаешь, что я вернусь во дворец?

Затем, поняв свою ошибку, добавила:

— Ах да, ты знаешь, что я ехала инспектировать юго-запад. Но подожди, разве отец и брат

позволили бы мне поехать на юго-запад? Проще было бы отправить какого-нибудь чиновника или князя.

Тан Чжао только сейчас поняла суть и, следуя словам Минда, продолжила выяснять, обнаружив, что её память вернулась на десять лет назад. Тогда она, словно по наитию, упомянула Сун Тин. Услышав это, Минда загорелась, но затем нахмурилась:

— Почему Атин не рядом со мной? Она точно приехала со мной, она ранена? Куда вы её дели?!

Сказав это, Минда вдруг заволновалась, словно что-то теряя, и попыталась встать, чтобы найти её, словно не могла ждать ни минуты.

Тан Чжао не смогла её удержать, и, видя, как раны Минда начинают кровоточить, поспешила успокоить её:

— Нет, нет, с ней всё в порядке, сначала ложись, она будет переживать, увидев тебя раненой.

Неизвестно, что именно подействовало на Минда, но она наконец успокоилась, однако сказала:

— Я хочу её видеть.

Тан Чжао оказалась в затруднительном положении, ведь она не могла найти живую Сун Тин для Минда. Она уже начала жалеть, что заговорила об этом, но было поздно, и теперь нужно было как-то успокоить её. Под предлогом того, что нужно принести еду, она ненадолго вышла.

Минда, глядя на её уходящую фигуру, вдруг сказала:

— Кто ты вообще? Ты кажешься знакомой.

Тан Чжао, услышав это, слегка замедлила шаг, но не обернулась и вышла.

Когда Тан Чжао вернулась с миской рисовой каши, она увидела Лянь Цзиньяо, стоящую у двери и готовящуюся постучаться.

— Цзиньяо, — подошла Тан Чжао и позвала её.

Лянь Цзиньяо обернулась и, увидев, что та вернулась снаружи, убрала руку:

— Ты принесла еду? Она проснулась? Как она, уже лучше, узнаёт людей?

Тан Чжао вспомнила, что из-за обстоятельств Лянь Цзиньяо уже знала о её отношениях с Минда и приняла её личность. Если бы это было всё, то ничего страшного, но теперь Минда не только появилась, но и потеряла память, и если Лянь Цзиньяо произнесёт перед ней слова «маленькая невеста», это вызовет новые проблемы.

Подумав, Тан Чжао с облегчением ответила:

— Да, она только что проснулась, но дела... не очень.

Лянь Цзинъяо, услышав это, спросила:

— Что, твоя маленькая невеста всё ещё не узнаёт тебя?

Тан Чжао поспешно замахала руками:

— Она не помнит, не говори перед ней о маленькой невесте.

Лянь Цзинъяо нашла реакцию Тан Чжао странной, но не стала углубляться, просто кивнула. Поскольку Минда проснулась, она заодно упомянула о спасённых членах императорской гвардии:

— Двоих не удалось спасти, ещё один начал лихорадить прошлой ночью, и, похоже, он не выживет. В итоге, вероятно, выживут только три-пять человек.

Тан Чжао не слишком переживала по этому поводу, ведь она не была знакома с этими гвардейцами, и они сделали всё, что могли:

— Спасибо, Цзинъяо, даже три-пять выживших — это уже хорошо.

Они поговорили ещё немного, но, учитывая, что Минда только что очнулась, Лянь Цзинъяо не стала её беспокоить.

Проводив Лянь Цзинъяо, Тан Чжао вошла в комнату и, подойдя к кровати, увидела, что Минда всё ещё бодрствует. Она осторожно посадила её, заметив, что раны снова начали кровоточить, и с досадой сказала:

— Ты спала почти два дня, сначала поешь. И твои раны снова открылись, я позже их перевяжу.

Минда, которую она осторожно усадила на кровать, была спокойна, но, услышав это, сразу же натянула одеяло:

— Что ты собираешься делать? Мы разного пола, мои раны на теле, как ты можешь смотреть?

Затем, вспомнив, что её раны уже были обработаны, маленькая принцесса выглядела потрясённой:

— Нет, мои раны уже обработаны, это тоже ты сделала? Ты, ты, нахалка, как ты посмела обидеть меня, я скажу Атин, чтобы она тебя побила!

Тан Чжао почувствовала сложную гамму эмоций, но, видя, как Минда готова заплакать, не смогла удержаться и сказала правду:

— Не волнуйся, я тоже женщина, так что всё в порядке.

<http://bllate.org/book/15453/1370998>